

Б. С. МЕЙЛАХ

ПУШКИН В ХОДЕ СЛЕДСТВИЯ И СУДА НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Одной из заслуг советского пушкиноведения является пристальное внимание к проблеме «Пушкин и декабристы». В работах советских ученых раскрыта органическая идейная связь Пушкина с декабристским движением, прослежено общение его с отдельными декабристами, охарактеризовано значение пушкинской политической лирики в агитационно-пропагандистской деятельности тайных обществ.

На основе обобщения известных к настоящему времени материалов о личных взаимоотношениях Пушкина с членами тайных обществ можно считать установленным, что Пушкин на протяжении всей истории тайных обществ находился в связи с выдающимися деятелями движения, что сначала он догадывался, а затем был осведомлен о существовании заговора. С несомненностью установлено также, что он бывал на «сходках» декабристов и, не являясь членом тайного общества, оказался фактически связанным с его деятельностью как в Петербурге, так и на юге.

Советское пушкиноведение во многом прояснило и вопрос о том, почему Пушкин не был членом тайного общества. Все дошедшие до нас показания современников, а также факты, свидетельствующие о настроениях Пушкина, подтверждают, что Пушкин желал стать членом тайного общества. Вопрос о его приеме возникал и в среде декабристов. Основная причина, заставлявшая декабристов воздержаться от положительного решения этого вопроса, заключалась в нежелании подвергать опасности жизнь гениального поэта. Об этом свидетельствуют и вновь опубликованные данные — сообщение сына декабриста С. Г. Волконского — М. С. Волконского, который в письме к Л. Н. Майкову писал:

«Пушкин, гений которого освещал в Сибири мое детство и юность, был мне близок по отношению его к отцу и к Раевскому, так что я всю жизнь считал его близким себе человеком. Не знаю, говорил ли я Вам, что моему отцу было поручено принять его в Общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это,— говорил он мне не раз,— когда ему могла угрожать плаха...»¹

Ряд важных вопросов, связанных с темой «Пушкин и декабристы», требует своего дальнейшего изучения. Среди них специального рассмотрения требует тема «Следствие над декабристами и Пушкин». Эта тема, как таковая, до сих пор не служила предметом исследования. Правда, различного рода выписки из следственных дел широко использовались, но не ставились вопросы о том — при каких обстоятельствах имя Пушкина возникало во время следствия, была ли у декабристов — пленников царизма определенная линия по отношению к Пушкину в ходе выяснения его роли в деятельности тайных обществ. Для выяснения этих вопросов мы поставили перед собой задачу изучить с соответствующей точки зрения следственные дела декабристов.

После того как произошло восстание декабристов, слухи о том, что Пушкин был одним из виднейших деятелей тайного общества, получили

¹ Опубликовано в статье М. Нечкиной «Новое о Пушкине и декабристах», «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, стр. 163.

широчайшее распространение. Об этом говорят многие письма и свидетельства. Так, например, рядовой дворянин-обыватель П. А. Болотов в письме из Кром, Орловской губ., адресованном отцу, писал:

«... В числе сих возмутителей видим имена известного Рыльева, Бестужевых, Кюхельбекеров как модных журнальных стихотворцев, которые все дышали безбожною философиею согласно с модным их оракулом Пушкиным, которого стихотворения столь многие твердят наизусть и так сказать почти бредят ими». Пушкин здесь, следовательно, — «оракул декабристов»².

Сведения о том, что Пушкин замешан в дело декабристов, просочились даже за границу. Чешский писатель Челаковский в феврале 1826 г. писал из Праги своему корреспонденту:

«Из России приходят печальные вести. В этом проклятом заговоре замешаны также знаменитые писатели Пушкин и Муравьев-Апостол. Первый — лучший стихотворец, второй — лучший прозаик. Без сомнения оба поплатятся головой»³.

Декабриста М. И. Муравьева-Апостола, одного из вождей восстания, Челаковский здесь спутал с писателем М. Н. Муравьевым, но представление о роли Пушкина в заговоре весьма показательно. Да и само имя Пушкина возникло в этой связи не случайно. Когда был опубликован список привлеченных к следствию, агент тайной полиции И. Локателли доносил фон Фоку:

«Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков»⁴.

Слухи о происходящем в Следственном комитете, о том, что там то и дело всплывает имя Пушкина, должны были широко распространиться в Петербурге, а затем и в других местах. Следует учесть, что в комитете были лица, тесно связанные с такими близкими к Пушкину людьми, как Жуковский, А. Тургенев и др. В частности, полный доступ к следственным делам имел бывший арзамасец Блудов. Управляющим делами комитета был А. Д. Боровков — один из руководителей «Вольного общества любителей российской словесности», объединявшего всех более или менее выдающихся литераторов. В Следственном комитете работал одним из чиновников также А. А. Ивановский, связанный в прошлом с литературными кругами и оказавший помощь многим декабристам в процессе следствия.

В результате вскоре после начала следствия стало известно, что стихи Пушкина имеются во многих следственных делах, что ранее они распространялись декабристами в качестве своеобразных воззваний, листовок. Так, когда при допросе члена Общества соединенных славян прапорщика Саратовского пехотного полка П. Ф. Шимкова комитет потребовал объяснения, откуда Шимков достал найденные у него «дерзостные произведения», тот ответил: «...Стихи найдены мною в местечке Белой Церкви 1824 же года в августе месяце... На первом и втором номере было написано П. ш... н, сие я почел за Пушкин»⁵.

Как известно по многократно приводившимся в исследовательской литературе выдержкам из следственных дел декабристов, имя Пушкина часто упоминалось в ходе следствия. Декабристы в своих показаниях неоднократно говорили о значении стихов Пушкина для революционной пропаганды.

Необходимо, однако, поставить вопрос: почему декабристы часто называли на следствии имя Пушкина и признавали агитационную роль его стихов? Ведь эти признания делались Следственному комитету, тюремщи-

² «Литературный архив», Изд. АН СССР, т. 1, 1938, стр. 279.

³ Сб. «Пушкинские дни в Одессе», Одесса, 1900, стр. 117.

⁴ Б. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, 1922, стр. 11.

⁵ Опубликовано М. Нечкиной в статье «О Пушкине, декабристах и их общих друзьях», «Каторга и ссылка», 1930, кн. 4 (65), стр. 11.

кам декабристов! Значит ли это, как уверял М. Н. Покровский и другие историки его школы, что декабристы раскаялись, растерялись, проявили малодушие и в силу этого не остановились перед тем, чтобы привлечь Пушкина к процессу?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо прежде всего отметить некоторые особенности следствия над декабристами.

14 декабря 1825 г., когда еще соскребывалась кровь участников восстания с камней Сенатской площади, а тела не только мертвых, но и раненых солдат спускались под лед Невы, Зимний дворец превратился в нечто подобное полицейскому участку. Следствие фактически началось в тот же день, причем Николай I, который был главным организатором следствия и главным сыщиком, применял очень сложную, чисто инквизиторскую систему допросов. Он не останавливался ни перед какими средствами, чтобы вырвать признание у арестованных.

Иногда Николай I прикидывался другом народа, реформатором, который готов мирным путем осуществить программу декабристов. При этом он оказался таким актером, что даже столь убежденный декабрист, как П. Каховский, с жаром говорил ему о бедствиях народа и, услышав от него слова о его намерении быть «отцом отечества», поддался обману. Каховский писал царю из крепости: «Добрый государь, я видел слезы сострадания на глазах Ваших». Иногда Николай действовал даже «лаской». Так, декабристу Гангеблову он «отечески» говорил: «Что вы, батюшка, наделали...». На иных он пытался воздействовать «заботой» об их семьях и т. д. Только утонченным лицемерием царя можно объяснить, что некоторые декабристы, сидя в крепости, писали ему письма о том, каким образом нужно и можно реформировать Россию.

Таков один из приемов обращения царя с декабристами во время следствия. Но одновременно, в других случаях, он применял угрозы стгноить в крепости, заковать в кандалы, посадить на хлеб и воду и иные разнообразные приемы деморализации, подавления воли и т. д.

Однако, несмотря на сложную систему допросов, изучение следственных дел говорит о том, что декабристы в основном (за отдельными исключениями) придерживались единой линии по отношению к Пушкину, линии, которая заключалась в том, чтобы всеми силами выгородить Пушкина, чтобы скрыть его несомненные связи с членами тайных обществ, скрыть, что пути распространения стихов Пушкина приводят в конечном счете к личности самого автора.

Возникал ли в процессе следствия вопрос о том, был ли Пушкин членом тайного общества? Изучение следственных дел говорит, что такой вопрос возникал неоднократно.

Одному из первых этот вопрос был задан Николаем I ближайшему другу Пушкина И. И. Пущину. Лично допрашивая Пущина 17 декабря, Николай I спросил его: посылал ли он своему родственнику Пушкину письмо о готовящемся восстании? На это Пущин ответил, что он «не родственник нашего великого национального поэта Пушкина, а товарищ его по царскосельскому лицее; что общеизвестно, что Пушкин, автор «Руслана и Людмилы», был всегда противником тайных обществ и заговоров»⁶. Итак, подчеркивая, что Пушкин — великий национальный поэт, Пущин вместе с тем стремится внушить царю мысль о полной непричастности Пушкина к деятельности тайных обществ.

Вопрос о том, был ли Пушкин членом тайного общества, возник в январе 1826 г. при допросе члена Союза благоденствия Гореткина. Гореткина спросили: «Когда и у кого бывали вы на совещаниях Общества? В чем заключались эти совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены?».

⁶ М. Цявловский, *Летопись жизни и творчества Пушкина*, Изд. АН СССР, т. 1, М., 1951, стр. 659.

Рассказывая об этих совещаниях, Горсткин показал, что был два-три раза у Ильи Долгорукого и что у него же «Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой...»⁷.

Как уже отмечалось М. В. Нечкиной при опубликовании этого документа, признание Горсткина подтверждает историческую достоверность X главы «Евгения Онегина», где о декабристских сходках говорится:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты
У осторожного Ильи.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал,
Читал свои нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал (и т. д.).

Итак, из показаний Горсткина Следственному комитету стало известно, что Пушкин бывал на совещаниях декабристов. Это было 28 января. А несколькими месяцами спустя Следственный комитет задает иезуитский вопрос М. И. Муравьеву-Апостолу: пародировал ли Пушкин «Боже, спаси царя» на собрании членов Общества в Петербурге. На это Муравьев-Апостол ответил: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал Обществу». Так окольным путем комитет пытался получить подтверждение показанию о том, что Пушкин бывал на совещаниях Общества⁸.

Наконец, привлеченный к следствию капитан 5-й конноартиллерийской роты М. И. Пыхачев заявил, что М. П. Бестужев-Рюмин распространял стихи Пушкина и что он, Пыхачев, полагает Пушкина членом Общества⁹.

Из привлеченных к следствию только двое назвали Пушкина (Горсткин — косвенно, Пыхачев — прямо) членом тайного общества.

В то же время в следственных делах имеется значительное число указаний на революционизирующую роль политической поэзии Пушкина и на использование ее в ходе декабристской пропаганды. Однако следует отметить, что упоминания о Пушкине, и не в ы н у ж д е н ы е ходом следствия, насчитываются в показаниях декабристов единицами. Большею частью эти упоминания сформулированы таким образом, чтобы представить Пушкина как можно менее причастным к декабристскому движению. Изучение материалов следствия приводит к выводу, что только Пыхачев назвал имя Пушкина по своей инициативе. Но Пыхачев был привлечен к делу декабристов случайно и никакого участия в движении не принимал. Недаром он находился в крепости всего два месяца, затем был перечислен в другую роту, а впоследствии получил повышение в чине.

И все же остается вопрос: почему имя Пушкина все-таки то и дело всплывало на следствии, происходило ли это по инициативе самих декабристов или вследствие иных причин? Для ответа на этот вопрос следует обратиться опять-таки к системе следственного делопроизводства.

В начале следствия всем допрашиваемым задавалось семь вопросов. Седьмой из этих вопросов гласил:

⁷ «Литературное наследство», т. 58, стр. 159.

⁸ П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М. Л., 1931, стр. 71.

⁹ «Восстание декабристов», Материалы Централрхива, т. IX, 1950, стр. 125.

«С какого времени и откуда заимствовали Вы свободный образ мыслей: от сообщества или внушений других, или от чтения книг, или от сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?»

Это чрезвычайно опасный для судьбы Пушкина вопрос, который задавался всем декабристам, преследовал, конечно, чисто сыскные задачи: ответы на этот вопрос должны были, согласно замыслу комитета, вовлечь в следствие как можно больше участников движения и «прикосновенных» к нему.

Были декабристы, которые прямо уклонялись от ответа на седьмой вопрос. Так, Лунин заявил: «Свободный образ мыслей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить». Однако в некоторых случаях положение отвечающих было более сложным. У ряда декабристов были найдены стихи Пушкина, и поэтому не упоминать его имя вовсе было невозможно. Иногда же имя Пушкина упоминалось вследствие упомянутых выше иезуитских методов следствия.

И все же друзья и ближайшие знакомые Пушкина, которым он читал и передавал свои стихи и с которыми был лично связан, проявили исключительную стойкость и не только не называли его имени как автора «краснольных» политических стихотворений, но не упоминали его даже в числе своих знакомых.

Одним из первых был допрошен на следствии Рылеев. В ответ на седьмой вопрос Рылеев заявил, что источником его свободомыслия являются заграничные походы и заграничная публицистика, причем закончил так: «Поистине себя одного должен обвинять во всем»¹⁰.

Кстати следует остановиться на часто встречающейся в следственных делах попытке свести ответ на седьмой вопрос к указанию на влияние заграничных походов и зарубежной публицистики. Некоторые либеральные историки, в частности Семевский, исходя из этих ответов, утверждали, что главной причиной декабристского свободомыслия было участие их в заграничных походах. В действительности же этот источник подчеркивался декабристами для того, чтобы не называть русских источников — оказавших на них влияние русских современников. Легче было бы отвести вопрос ссылкой на исключительное значение заграничных походов. Следовательно, своим ответом Рылеев фактически отрицал влияние на формирование его взглядов русской литературы и Пушкина, хотя всего за месяц до восстания Рылеев писал Пушкину: «На тебя устремлены глаза России. Тебе верят, тебя любят, тебе подражают». И в дальнейшем Рылеев ни разу не упомянул имени Пушкина в ходе следствия.

Александр Бестужев, отвечая на седьмой вопрос, показал, что свободомыслие он заимствовал из книг, но упомянул лишь иностранных писателей (в частности Герена и Бенгама). Далее Бестужев прибег к такому ходу: «Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком мало важны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне же не случилось читать из них ничего, кроме: «О необходимости законов» (покойного фон-Визина), двух писем Михаила Орлова к Бутурлину и некоторых блесок А. Пушкина — стихами...»¹¹. Это говорит Бестужев, который не только в письмах к Пушкину, но в обзорах «Полярной звезды» с патриотической гордостью говорил о русской литературе, о Пушкине, о влиянии его стихов.

Такого рода ответы на седьмой вопрос следственной анкеты свидетельствуют о тонкой тактике выгораживания декабристами Пушкина и других вольнолюбивых поэтов того времени.

¹⁰ «Восстание декабристов», Материалы Централрхива, т. I, 1925, стр. 156 (в дальнейшем указывается «В. Д.»).

¹¹ В. Д., т. I, стр. 430.

С занимающей нас точки зрения, исключительный интерес представляет дело Кюхельбекера. Когда Кюхельбекер был арестован при попытке перейти границу, одним из первых вопросов был вопрос о его знакомствах. И с кого же он начинает перечень своих знакомых? С Греча и Булгарина. Затем идут такие благонамереннейшие люди, как Жуковский, Карамзин, слепой поэт Козлов... Пушкина Кюхельбекер так и не назвал¹².

В дальнейшем, отвечая на вопрос — о причинах свободомыслия, о влиянии рукописных сочинений, о своих знакомых, Кюхельбекер заявил, что был «увлечен общим потоком» и никто его не увлекал.

И. И. Пущин, также очень близкий друг Пушкина, в своих позднейших мемуарах восторженно писавший об огромном влиянии политических стихов Пушкина, отвечая на седьмой вопрос, показал, что он стал человеком вполне естественным по естественному ходу духа времени... «Никто, — писал он, не способствовал укоренению сих мыслей во мне...»¹³ Имя Пушкина в ходе следствия по делу Пущина ни разу не возникало.

Весьма показателен ответ П. Я. Чаадаева. Чаадаева задержали в августе 1826 г. при возвращении из-за границы. И вот Чаадаев, ближайший друг Пушкина, которому адресовано знаменитое послание «Любви, надежды, тихой славы...», при допросе по поводу найденных у него различных стихов Пушкина заявил, что получил их от кого-то в Швейцарии, не обращал «никакого внимания на их содержание, сохранил их единственно у себя за достоинство их в литературном смысле»¹⁴.

Наконец, любопытны упоминания в делах о сожжении декабристами стихов Пушкина накануне ареста. Так, сожгли пушкинские стихи Лорер и Гориславский. Тем самым уничтожались и улики, которые могли вовлечь в следствие самого поэта.

Характерная деталь. Декабрист Н. И. Лорер в своих показаниях Следственному комитету упорно отрицал показания А. И. Майбороды о том, что он перед арестом сжег сочинения Пушкина. Лорер делает вид, что не знает, будто стихи Пушкина «сомнительны», ссылаясь на их распространенность: «... Насчет же сочинений Пушкина я чистосердечно признаюсь, — я их не жег, ибо я не полагал, что они сомнительны; я знал, что почти у каждого находятся, — и кто их не читал»¹⁵.

Однако порой при ответе на седьмой вопрос анкеты делались прямые указания на влияние пушкинской поэзии.

Очень остроумно ответил на седьмой вопрос Павел Бестужев, двадцатитрехлетний мячман, самый молодой из замечательной семьи Бестужевых. Он показал: «Мысли свободные зародились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня», «Мой Аполлон», разные «Послания» и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин»¹⁶.

Здесь характерны два момента. Названы стихотворения, за которые Пушкин уже «пострадал» (т. е. был отправлен в 1820 г. в ссылку). Подчеркивается, что Пушкин поэт «знаменитый в других родах», т. е. что прошлые «грехи» поэта не определяют его облика. Следовательно, здесь мы имеем дело с таким упоминанием Пушкина, которое не носит криминального характера.

Бар. В. И. Штейнфельд признался: «... Разные сочинения (кому не известные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвижского (Я.), кн. Горчакова, Грибоедова, Пушкина. Сии последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели надо мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по

¹² В. Д., т. III, стр. 142.

¹³ В. Д., т. II, стр. 208.

¹⁴ «Русская старина», 1900, декабрь, стр. 586.

¹⁵ М. Нечкина, О Пушкине, декабристах и их общих друзьях, «Каторга и ссылка», 1930, кн. 4 (65), стр. 9.

¹⁶ П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, 1931, стр. 72.

сердцу». И здесь налицо намеренное снижение значения пушкинских стихов пред лицом Следственного комитета: «мелочи игривого ума»¹⁷. Но позже Штейнгель, обманутый Николаем I и деморализованный следствием, писал царю из Петропавловской крепости: «... Высшее заведение для образования юношества, Царскосельский лицей дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности; но свободное мышление, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве, при вступлении в свет... Непостижимо, каким образом... пропускались статьи подобные «Волынскому», «Исповеди Наливайки», «Разбойникам-братьям» и проч... Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышущего свободою»¹⁸.

Были и прямые указания на влияние стихов Пушкина в начале следствия. Мичман В. А. Дивов показал «Свободный образ мыслей получил... частью от сочинений рукописных; оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева и прочих неизвестных мне сочинителей»¹⁹. В таком же духе выдержаны и показания прапорщика В. А. Бесчаснова: «...Зная же, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали мне бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей — трагедии — стихи соч. Пушкина и других — постепенно разгорячавших пылкое воображение...»²⁰.

Штаб-ротмистр М. Н. Паскевич писал в своем ответе: «...Первые либеральные мысли заимствовал я прошлого 1825 г. частью от попавшихся мне книг и от встречи с людьми такого мнения, а более от чтения вольных стихов господина Пушкина; я, признаюсь, был увлечен его вольнодумством и его дерзкими мыслями, но, не находя в самом себе подобных чувств, я по малодушию моему и без всякого ж к тому таланта хотел было подражать ему и перевел вышенаписанные стихи...»²¹.

Но наибольшая опасность для Пушкина возникла при проведении следствия по делу Михаила Бестужева-Рюмина, одного из самых выдающихся деятелей движения.

При допросе Бестужева-Рюмина Николай I применил особо жестокие меры. Об этом свидетельствует отчаянное письмо Бестужева-Рюмина к Николаю I: «Единственная милость, о которой я хотел просить Вас — не принуждать меня назвать имена лиц — и взамен этого я имел намерение умолять Ваше Величество сделать меня ответственным за все то, что могли замышлять члены Общества, в котором я состоял». И дальше: «Прошу у Вас о том, чтобы Вы не наводили на меня страх»²².

И вот оказалось, что самое острое положение для Пушкина возникло при допросе Бестужева-Рюмина. В январе, отвечая на седьмой вопрос Следственного комитета, Бестужев-Рюмин показал, что «первые либеральные мысли почерпнул в трагедиях Вольтера». Далее упоминаются занятия естественным правом, политической экономией и т. д. А затем следует такая фраза: «Между тем везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укрепляло во мне либеральные мнения».

Но сама по себе эта фраза о Пушкине в таком контексте поэту ничем не грозила. Опасность возникла из-за другого. Упомянутый выше Пыхачев, который называл Пушкина членом тайного общества, заявил, что Михаил Бестужев-Рюмин «раздавал всякому» стихи Пушкина. Другой из привлеченных к следствию, некий Петр Громницкий, поручик Пензен-

¹⁷ П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, 1931, стр. 5.

¹⁸ «Русский архив», 1895, № 2, стр. 171, 172, 174.

¹⁹ П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, стр. 4.

²⁰ Б. Д., т. V, стр. 277.

²¹ М. Нечкина, О Пушкине, декабристах, и их общих друзьях, «Каторга и ссылка», 1930, кн. 4 (65), стр. 14—15.

²² В. Д., т. IX, стр. 42—43 (в этом томе, изданном в 1950 г., впервые опубликовано дело М. Бестужева-Рюмина, в интересующем нас аспекте еще не изученное).

ского пехотного полка, указал, что Бестужев-Рюмин, агитируя за царевубийство, читал стихи Пушкина «Кинжал». «... Предложенные мне теперь высочайше утвержденным комитетом вопросы привели мне на память обстоятельство, о котором умолчать не желаю, — показывал Громницкий. — В лагере же при Лещине Бестужев, случившись у М. М. Спиридова (члена Общества соединенных славян. — *Б. М.*), где и я был с А. И. Тютчевым, в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему, хотя менее дерзкое, чем стихи М. Н. Паскевича, но не менее вольнодумное. Вот оно...» (далее следует стихотворение Пушкина «Кинжал», позже тщательно зачеркнутое. — *Б. М.*). «... Произнесши стихи сии, Бестужев спросил: Не желаете ли кто иметь их? И, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал с тем, чтоб переписать, но, носивши при себе несколько дней, я потерял оные и теперь написал только то, что мог вспомнить. Но Бестужев должен знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть...»

Показание Громницкого о том, что Бестужев-Рюмин пользовался стихами Пушкина для агитации за царевубийство, было поддержано на следствии в общей сложности шестью лицами (Пыхачевым, Громницким, Тютчевым, Лисовским, Спиридовым и Ивановым, у которого эти стихи были найдены). Таким образом, выяснилось, что Бестужев-Рюмин самым активным образом распространял пушкинские стихи: читал их в разных местах, сам переписывал, давал переписывать другим и т. д.

В связи с этим Следственный комитет в апреле 1826 г. заставил Бестужева-Рюмина ответить на следующие три вопроса:

Первый — когда и где он получил стихотворение Пушкина «Кинжал»?

Второй — кому из членов, кроме упомянутых, он давал это и другие подобные стихотворения и от самого ли Пушкина его получил?

И третий — был ли Пушкин членом тайного общества и в каких отношениях он находился с самим Бестужевым-Рюминым и Сергеем Муравьевым-Апостолом?

Можно без преувеличения сказать, что эти вопросы были решающими для судьбы Пушкина.

Что ответил на них Бестужев-Рюмин? Он не мог не признаться в распространении стихов Пушкина, поскольку шесть человек засвидетельствовали этот факт и самые стихи оказались в деле. Но и источник получения стихов он не назвал, отделавшись общей фразой: «Большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова нашел у него (т. е. у Пыхачева. — *Б. М.*)...». И далее следовали известные строки: «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько было по полкам, что это нас самих удивляло».

Когда последние строки цитировались литературоведами и историками изолированно от прочих следственных материалов, получалось, что Бестужев-Рюмин своим признанием намеренно набросил тень на Пушкина. Однако, как мы видим, это заявление, — если учесть весь ход следствия, — несколько не компрометирует Бестужева-Рюмина. В отношении Пушкина он держался стойко и отказался назвать источник получения «Кинжала» и других стихов.

Что касается вопроса о членстве Пушкина в тайном обществе, то Бестужев-Рюмин заявил: «Мне совершенно неизвестно». А по поводу личного знакомства он ответил, что встречался с Пушкиным в 1819 г., когда был ребенком. (Ребенком он тогда не был, ему было в 1819 г. 18 лет; кроме того, есть основание полагать, что с Пушкиным он встречался и во время его ссылки на юг.)

Следственный комитет не поверил этим ответам Бестужева-Рюмина и устроил ему очную ставку с Пыхачевым (который заявил, что Пушкин — член тайного общества и что Бестужев-Рюмин раздавал стихи Пушкина членам тайного общества). Очная ставка состоялась 26 апреля в присутствии комитета. Однако Бестужев-Рюмин «остался при своем пока-

зании». Никаких новых данных он не сообщил и от кого получил стихотворение «Кинжал» — не указал.

Насколько серьезным для Пушкина был этот эпизод в ходе следствия, косвенно свидетельствует тот факт, что в обвинительном заключении по делу Бестужева-Рюмина в числе пунктов, мотивирующих приговор к смертной казни, значится: «Читал наизусть и раздавал приглашаемым в Общество (возмутительные вольнодумческие) сочинения Пушкина и других»²³.

Вторым чреватых большими опасностями для Пушкина было дело другого виднейшего деятеля декабризма Матвея Муравьева-Апостола²⁴. Его допрашивали о путях распространения пушкинских стихов, пытались выяснить, бывал ли Пушкин на совещаниях тайного общества и состоял ли он его членом. Однако и Муравьев-Апостол нужных Следственному комитету данных не сообщил. По поводу того, что Пушкин на одном из совещаний декабристов взялся писать «вольномысленную песню», Муравьев-Апостол показал: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал к Обществу».

Интересная деталь: отвечая на вопрос, Муравьев-Апостол написал сначала: «Сейчас не принадлежал к Обществу», затем слово «сейчас» зачеркнул и написал вместо него «никогда».

Итак, из обзора следственных дел, имеющих касательство к Пушкину; можно заключить, что Следственному комитету не удалось добиться от декабристов никаких данных для установления прямых связей и общения Пушкина с декабристскими организациями и отдельными участниками движения. Не удалось также установить, по каким каналам «Кинжал» и другие стихи проникали от их автора, Пушкина, в среду декабристов. Все главнейшие деятели декабристского движения, лично знавшие Пушкина, встречавшиеся с ним, в том числе и декабристы — близкие друзья поэта, держались исключительно стойко и всячески старались отвлечь от Пушкина внимание Следственного комитета. Подавляющее большинство упоминаний о Пушкине в ходе следствия были вынужденными или обстоятельными следствия, или показаниями третьестепенных членов тайного общества, либо случайно вовлеченных в следствие лиц (как Пыхачев). Только вследствие сознательной тактики декабристов, непосредственно связанных с Пушкиным и стремившихся уберечь поэта от опасности, важнейшие факты, касающиеся его политической биографии, оказались утаенными от коронованного тюремщика Николая I и его помощников.

Друзья Пушкина в своих показаниях всячески старались предотвратить возможность следствия по делу о стихах Пушкина. Большинство деятелей, непосредственно связанных с Пушкиным, не назвали его не только в числе писателей, оказавших на них влияние, но даже в числе своих знакомых. Ни один из опрошенных не указал источников распространения стихов Пушкина. Следствию не удалось раскрыть фактов общения, разговоров, споров с Пушкиным.

Последний раз имя Пушкина косвенным образом всплыло в Следственном комитете в мае 1826 г., когда приводилось в исполнение повеление Николая I «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Они были сожжены. Осталась только запись стихотворения «Кинжал»: на обороте листа были следственные показания. Этот текст был густо зачеркнут «с высочайшего соизволения», как указано в деле военным министром Татищевым.

Каково было внутреннее состояние самого Пушкина в период следствия, что знал он о следствии, какой тактики придерживался?

Д. Д. Благой в книге «Творческий путь Пушкина» справедливо отмечает, что Пушкин во время следствия проявил исключительную стойкость

²³ В. Д., т. XI, стр. 175.

²⁴ Опубликовано в 1950 г. в IX томе В. Д.

и мужество. Письма поэта свидетельствуют о том, что его больше всего беспокоила судьба «братьев», «товарищей» (как он называл декабристов)²⁵.

Не может быть двух мнений по вопросу — знали Пушкин о заговоре. 20 января 1826 г., уже будучи осведомленным о ходе следствия по официальным документам, опубликованным в печати, и по сведениям, которые просачивались в Михайловское, Пушкин писал Жуковскому:

«Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявляли о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличит меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно»²⁶.

Таким образом, сам Пушкин опасался того, что на следствии его могли уличить в «политических разговорах» с обвиненными. Насколько эти опасения были обоснованными, показывает ход следствия: уличенные в разговорах о свержении правительства или о царевубийстве отправлялись на каторгу или в ссылку в Сибирь.

Итак, Пушкин, по его собственному признанию, о заговоре знал. Далее, он писал о том, что с нетерпением ждет решения судьбы своих друзей.

Следует учитывать, что письма, которые он посылал почтой, носили иной характер, чем пересылаемые с оказией. Приведенное выше письмо к Жуковскому было послано с оказией; в письмах же, которые проходили цензуру, Пушкин намеренно подчеркивал, что молодой царь может быть смилостивится, что судьба заключенных, вероятно, будет смягчена и т. д.

Но как же Пушкин представлял свое собственное положение, что думал он о своей судьбе? Как мы видели, он считал вполне возможным привлечение его к следствию. Об этом говорит и его признание в другом письме к Жуковскому о том, что он был в связи с «большой частью заговорщиков». Пушкин явно готовился к возможному аресту. Показательно, например, что, получив сведения о восстании, он сжег большую часть автобиографических записок.

Большинство друзей и знакомых Пушкина сразу же после восстания перестали ему писать. Во второй половине января он сообщал Плетневу: «Что делается в Петербурге, я ничего не знаю, все перестали писать. Верно Вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда на намерен, но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит». В этом же письме Пушкин просит узнать у Жуковского, может ли он надеяться на возвращение из ссылки, на «высочайшее снисхождение». Об этом Пушкин пишет и Жуковскому, но дает понять, что заступничество за него перед государем не безопасно: «Не хочу охмелить тебя в этом пиру». И здесь же, обращаясь к Жуковскому и другим друзьям, заявляет: «... Вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.»²⁷

Думая о возможности улучшения своей участи и возвращения из ссылки, Пушкин надеялся в то же время на смягчение «участи несчастных» (т. е. декабристов) и сохранял свою политическую независимость. Ни о каком раскаянии, т. е. отказе от своего образа мыслей, он и не помышлял заявлять. Но дальше в ходе переписки возникли ситуации, ярко характеризующие, с одной стороны, Пушкина, с другой — Жуковского и Плетнева.

27 февраля в Михайловское приходит письмо Плетнева, очень обнадеживающее в отношении судьбы Пушкина. Плетнев передает ему следующую просьбу Жуковского: «... Его к тебе комиссия состоит в том, чтобы

²⁵ См. Д. Д. Благой, Творческий путь Пушкина, М., 1950, стр. 508.

²⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., Изд. АН СССР, т. XIII, 1937, стр. 257.

²⁷ Там же, стр. 256, 257.

ты написал к нему письмо серьезное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет права, не думаешь играть словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку». Это письмо должно было быть показано государю. Сообщая о намерениях Жуковского, Плетнев тут же многозначительно указывал: «После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире»²⁸.

Следует подчеркнуть, что не сам Пушкин выработал формулу «примирения» с Николаем I. Ее подсказал ему Плетнев по указанию Жуковского.

Из ответного письма Пушкина Плетневу видно, что Пушкин не считает свою судьбу решенной в смысле привлечения его к следствию. 3 марта Пушкин вновь задает Плетневу вопрос: «Невинен я или нет?»²⁹.

7 марта Пушкин пишет официальное письмо Жуковскому, где следует предложенной Плетневым формуле, но варьирует ее таким образом, что независимость взглядов его подчеркивается со всей резкостью: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»³⁰.

Разница между формулой Плетнева—Жуковского и формулой Пушкина весьма существенная! К тому же Пушкин в письме к Жуковскому, предназначенном для демонстрации Николаю I, ни от чего не отказывается и ни в чем не раскаивается, признавая достойным порицания (и то в качестве «легкомысленного суждения») лишь перехваченное в свое время письмо атеистического характера.

Письмо к Жуковскому от 7 марта было послано при письме к Плетневу. Как бы извиняясь перед Плетневым, Пушкин сообщает, что свое официальное письмо он писал «в треугольной шляпе и в башмаках». И здесь же Пушкин с горечью замечает о своем будущем: «Не радуйся нашед, не плачь потеряв!»³¹.

Итак, требуемое официальное письмо было послано и получено Жуковским. После этого наступило длительное молчание. Что было в этот период с письмом Пушкина — неизвестно. Но вот 12 апреля приходит паническое послание от Жуковского, в котором резко осуждается политическая поэзия Пушкина: «Наши отроки (то есть все зреющее поколение) при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры к жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями: ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать».

Тот самый Жуковский, который месяц назад обещал хлопотать о возвращении Пушкина из ссылки с уверенностью в успехе, теперь советует ему «не напоминать о себе»³².

Чем же была вызвана эта перемена настроения, эта паника? Мы находим объяснение ее только в следующем. Через Блудова и других лиц, имевших доступ к делам Следственного комитета, Жуковскому и другим стал известен ход следствия — что в показаниях нередко упоминается имя Пушкина, что при допросах М. П. Бестужева-Рюмина в связи с распространением стихотворения «Кинжал» особенно остро встал вопрос о прикосновенности Пушкина к деятельности тайного общества. Изменение намерений Жуковского в отношении Пушкина могло объясняться и тем, что круг привлекаемых к следствию все более и более расширялся.

Что касается «примирительного» письма, которое Пушкин написал Николаю I с ходатайством о разрешении ехать для лечения «в Москву или в Петербург, или в чужие края», то в ответ на замечание Вяземского, что «оно...

²⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., Изд. АН СССР, т. XIII, стр. 264.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 265—266.

³¹ Там же, стр. 266.

³² Там же, стр. 271.

сухо, холодно», Пушкин 14 августа возразил: «Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы». «Теперь» — это после опубликования приговора, о котором Пушкин в том же письме к Вяземскому писал: «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна...»³³.

В письме Пушкина к Николаю I отречения от своего «образа мыслей» нет. Поэт пренебрег требованиями друзей, которые считали, что Пушкин в письме к царю свои прежние поступки и мысли должен назвать «шалостями». Вновь, как и в письме к Жуковскому, поэт отмечает лишь «легкомысленное суждение касательно атеизма», вызвавшее «гнев покойного императора». Ничто не могло заставить Пушкина отказаться от своего «образа мыслей».

³³ Там же, стр. 291.